

KBOH
ËCOH

k-fiction

КВОН
ЁСОН

ЛИМОН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44
К32

Печатается с разрешения издательства Changbi Publishers, Inc. и
литературных агентств KL Management,
Barbara J Zitwer Agency.

LEMON by Kwon Yeo-sun
Originally published
by Changbi Publishers, Inc.

This book is published with the support of the Literature Translation
Institute of Korea (LTI Korea)

Дизайн обложки В. А. Воронина

Квон Ёсон.

К32 Лимон / Квон Ёсон ; [перевод с корейского Л. А. Михэеску]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 224 с. — (К-фикшен).

ISBN 978-5-17-122592-6

«Дело об убийстве школьной красавицы» — так назвали трагический инцидент, случившийся шестнадцать лет назад. Тело старшеклассницы было найдено в парке. Под подозрение попали двое учеников старшей школы. Что произошло тем вечером? Герои этой истории долгие годы ищут ответ, строят планы мести и пытаются избавиться от чувства вины. Их навсегда связало ужасное событие, но никто из них не в силах увидеть полной картины. Одна из героинь, желая воскресить красоту погибшей, ложится под нож хирурга. Вторая не может справиться с ревностью к призраку из далекого прошлого. Третья становится невольным свидетелем растянувшейся на годы трагедии. Бывших подозреваемых преследует неумолимый рок. Найдут ли герои ответ на вопрос «кто убийца?» Будет ли это так же важно много лет спустя? Или, быть может, жизнь поставит перед ними другие вопросы?

УДК 821.531-312.4
ББК 84(5Кор)-44

Copyright © 2019 by Kwon Yeo-sun
All rights reserved.

© Михэеску Л. А., перевод на
русский язык, 2021

© ООО «Издательство АСТ»,

издание на русском языке 2021

ISBN 978-5-17-122592-6

ОСНОВНЫЕ ГЕРОИ

КИМ ХЭОН	старшеклассница, погибшая в 18 лет
КИМ ТАОН	младшая сестра Ким Хэон
ЮН ТХЭРИМ	одноклассница Ким Хэон
САНХИ	одноклассница Ким Хэон и подруга Ким Таон
СИН ЧОНЧЖУН	подозреваемый в убийстве Ким Хэон
ХАН МАНУ	свидетель по делу об убийстве Ким Хэон, а затем — подозрева- емый в убийстве

ШОРТЫ, 2002

Ярисую в воображении сцену, много лет назад происходившую в комнате для допросов одного полицейского участка. Это не значит, что я все выдумываю. Но я и не наблюдала допрос собственными глазами, так что не знаю, как сказать правильнее. Моя мысленная реконструкция строится на свидетельствах подозреваемого, которыми он позже со мной поделился, на некоторых уликах, а также на личном опыте и дедуктивных догадках. Меня интересует не

только этот допрос. Уже более шестнадцати лет я дотошно перебираю и подгоняю друг к другу все детали и обстоятельства «дела об убийстве школьной красавицы», как его называли. Подробности преступления так глубоко отпечатались в моей памяти, что порой возникает мучительное ощущение, будто все это я видела или даже испытала сама. Воображение может причинять такую же боль, как и реальность. Нет, даже большую, поскольку над воображением не властны ни время, ни расстояние.

Десять с лишним минут старшеклассник сидел в комнате для допросов в полном одиночестве. Кроме стола и четырех стульев, в комнате больше ничего не было. На стенах не висели картины, на столе не стояли ваза или пепельница. Некоторые люди выглядят неуклюжими, даже когда ничего не делают,

и юноша был одним из таких. Он сидел в неестественной позе, глаза затуманены, как если бы собирался заснуть. А может, просто от того, что не на чем было остановить взгляд. Словно камера, которой не на чем сфокусироваться.

Вошел следователь и уселся напротив парня. Глаза последнего слегка прояснились.

— Хан Ману!

Голос негромкий, но тон недружелюбный. Таким тоном классный руководитель или директор школы вызывают учеников перед тем, как наказать. Такая манера подразумевает враждебность, это задело юношу. Я думаю о злой иронии судьбы. Дело в том, что в школе никто не обращался к Хан Ману по имени — по крайней мере, в обычном смысле.

У него было несколько прозвищ, по-детски жестоко коверкавших имя, но самое известное появилось благодаря песне «Половина

тысячелетия». Ее первые слова были созвучны имени Хан Ману, чего одноклассники не могли не заметить. Стоило слегка изменить произношение, и плач о мире, полном страданий, превращался в воззвание к Хан Ману. Школьники находили это очень смешным, и со временем забылись все прежние прозвища — его имя произносили, растягивая гласные на манер исполнителя песни: Хаан Манууу. Мне не довелось сталкиваться с ним до происшествия — когда я только перешла в старшие классы, он уже учился в выпускном. Однако я помню, как в школьном коридоре время от времени раздавался протяжный вскрик, зовущий Хан Ману и насмешливо подражающий печальному мотиву песни. В тех гротескных подвываниях мне никогда не слышалось ничего зловещего. После происшествия они прекратились. Никто больше не хотел и не мог обращаться к Хан Ману.

Мысленно я иногда называю его так, как одноклассники. Это стало моим способом вопрошания о смысле жизни. Не в философском плане, а в самом что ни на есть прикладном. Была ли хоть крупица смысла в жизни Хан Ману? Я так не думаю. Не каждое существование наделено смыслом. Хан Ману, моя сестра, я сама. Как бы я ни искала, сколько бы ни старалась, не могу найти ответа, зачем мы появились на свет. Наши жизни — лишь случайное начало и случайный конец, вот и все.

Следователь предупредил парня, чтобы тот внимательно слушал, и стал объяснять, что этот допрос отличается от предыдущего, что надо давать хорошо обдуманые ответы, иначе ситуация грозит обернуться не в пользу Хана. Старшеклассник не отводил взгляда, но его лицо оставалось непроницаемым. Он всегда медленно соображал, однако почувствовал,

что в следователе появилась угроза, какой не было в первый раз. Следователь был слишком возбужден, а возбужденные люди пугали Хана.

— Хочу уточнить твои прежние показания, — постукивая авторучкой по столу, начал детектив. — Около шести часов вечера 30 июня 2002 года, направляясь по адресу доставки на скутере, ты обогнал машину, за рулем которой находился Син Чончжун. Верно?

— Не совсем.

— Не совсем? — Уткнувшийся в бумаги следователь исподлобья взглянул на свидетеля. — С твоих слов записано именно так.

— В то время я уже доставил еду и возвращался. По дороге обратно, а не туда.

Следователь опять опустил взгляд. Для него разница явно не имела значения.

— Почему тогда здесь написано по-другому?.. Хорошо, возвращаясь после того, как до-

ставил заказанную еду, ты обогнал машину, за рулем которой находился Син Чончжун. Теперь верно?

— Да.

— Какой модели была машина?

— Что?

Следователю показалось, парень намеренно делает вид, будто не понял вопроса.

— Модель машины! Что за машину ты обогнал?

— Не знаю. Цвет темно-серый и будто переливается. Я все это уже говорил.

— Конечно, ты все это уже говорил. Мы занимаемся как раз тем, что проверяем твои показания. Машина темно-серого цвета с оттенками?

— Да.

Следователь показал фотографию, прикрепленную к делу:

— Это она?

Потянувшись вперед, парень рассмотрел снимок, а затем перевел взгляд на собеседника.

— Может, и она.

— Я не спрашиваю, точно ли это та машина, я спрашиваю, та ли модель?

Хан еще раз посмотрел на снимок.

— Думаю, та.

— Уверен?

— Да.

— Хорошо. Молодец.

Следователь показал другую фотографию. Парень опять внимательно ее рассмотрел.

— Это твой скутер?

Хан Ману подтвердил без раздумий.

— Прекрасно.

Делая вид, что изучает написанное, следователь тянул время перед главным выпадом.

— Теперь самое важное. Ты сообщил, что на пассажирском сиденье видел Ким Хэон. Верно?

— Да.

— Опиши еще раз, как она выглядела. Во что была одета, как уложены волосы.

— Волосы были распущены.

— Не завязаны в хвост?

— Нет.

— Что насчет одежды?

— Одежда... Топ без рукавов и шорты...

— Топ без рукавов и шорты? — Следователь выделил последнее слово.

— Да, как я уже говорил...

— Хорошая память. Какого цвета?

— Что?

Следователь с горечью подумал, что люди на допросах никогда не отвечают четко и по делу.

— Одежда. Какого цвета были топ и шорты?

— Не знаю.

— Не помнишь?